

Будущій реформаторъ моралистъ намѣчался уже въ этихъ строкахъ, въ юношескіе годы Толстого. Вѣдь приведенныя выше строки, хотя въ нихъ и звучитъ легкій отзвукъ ироніи,—выражаютъ ту самую увѣренность Толстого, по которой и черезъ 65 лѣтъ онъ доказывалъ, что стоить только понять въ чемъ зло, гдѣ порокъ, а въ чемъ смыслъ жизни, что-бы легко отрѣшиться отъ всего сквернаго и найти внутри себя царство Божіе.

Эта жажда усовершенствованія привела Иртеньева и Неклюдова къ очень странному и вредному приему—повѣрнія другъ другу самыхъ затаенныхъ мыслей, всего гадкаго, что закопошилось въ душѣ, приемъ нравственнаго усовершенствованія чисто іезуитскій и, вѣроятно, заимствованный у гувернеровъ—французовъ, воспитанныхъ въ іезуитскихъ школахъ.

И вотъ то время, когда молодежь обыкновенно занимается общественнымъ идеализмомъ и строить свои планы лучшаго устройства государства и общества,—Толстой занимался личной моралью, смѣшивая, впрочемъ, моральное самоусовершенствованіе съ усовершенствованіемъ себя вообще во всѣхъ отношеніяхъ,—физическомъ, умственномъ, свѣтскомъ и т. д.

II.

Въ жизни Толстого было нѣсколько неблагоприятныхъ моментовъ. Къ числу такихъ нужно отнести поступленіе Толстого въ Казанскій университетъ. Въ то время, какъ вся литературная жизнь сосредоточилась въ московскихъ кружкахъ западниковъ и славянофиловъ, и имена Герцена, Бѣлинскаго, Хомякова, Аксакова повторялись съ восхищеніемъ и благоговѣніемъ во всѣхъ молодыхъ кружкахъ, Толстой попадаетъ въ захолустный университетъ, надъ которымъ витала еще зловѣщая тѣнь Магницкаго,—университетъ разгромленный, трепещущій и бездарный.

Толстому было 15 лѣтъ, когда онъ выдержалъ вступительный экзаменъ и по протекціи былъ принятъ въ университетъ; (1843 г.), знанія его были очень жалки. Онъ самъ впоследствии на доставленной ему вѣдомости его отвѣтовъ сдѣлалъ полныя юмора признанія. По исторіи общей и русской—единица. И Толстой пишетъ сбоку: „ничего не зналъ“. По статистикѣ и географіи тоже единица. И примѣчаніе Толстого гласитъ: „зналъ еще меньше“. Не далъ юношѣ ровно ничего и Казанскій университетъ, о профессорахъ котораго столько анекдотическаго рассказываетъ въ своей исторіи Казанскаго университета профес. Загоскинъ. Это было нѣчто не воображаемое! Вотъ профессоръ Камбекъ, который не читаетъ, а диктуетъ: „Римское право“! Р—большое, П—большое, — пунктумъ! И студенты записываютъ за нимъ такіа изреченія: „Рим-